

Юрий Буйда

Священные кости контрреволюции

*Часть сборника
Семнадцать о Семнадцатом
(сборник)*

100-летию Октябрьской революции посвящаем

Юрий Буйда

**Священные кости
контрреволюции**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буйда Ю. В.

Священные кости контрреволюции / Ю. В. Буйда — «Эксмо»,
2017 — (100-летию Октябрьской революции посвящаем)

ISBN 978-5-699-97203-6

«Трофим Никитич окончил реальное училище, побывал с отцом в Европе, в Германии и Англии, работал мастером на пороховом заводе, потом в народном училище, был толстовцем, но вскоре разочаровался в «христианстве, лишившемся клыков и когтей», и организовал в Осорьине социал-демократический кружок. Участниками этого кружка были рабочие и мастера порохового завода, железнодорожных мастерских, электрической фабрики Кнудсена, ткачи, учителя, гимназисты, а также несколько молодых женщин с неудовлетворенными художественными потребностями...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97203-6

© Буйда Ю. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
-----------------------------------	---

Юрий Буйда

Священные кости контрреволюции¹

© Буйда Ю. В., 2017

* * *

Трофим Никитич окончил реальное училище, побывал с отцом в Европе, в Германии и Англии, работал мастером на пороховом заводе, потом в народном училище, был толстовцем, но вскоре разочаровался в «христианстве, лишившемся клыков и когтей», и организовал в Осорьине социал-демократический кружок. Участниками этого кружка были рабочие и мастера порохового завода, железнодорожных мастерских, электрической фабрики Кнудсена, ткачи, учителя, гимназисты, а также несколько молодых женщин с неудовлетворенными художественными потребностями.

Трофим Никитич часто ездил в Москву и Петербург – там он и познакомился с Плехановым, Мартовым, Лениным, Троцким и другими революционерами.

Он находился под надзором полиции, но до тюрьмы или ссылки дело не дошло – случилась Февральская революция, а затем и Октябрьская, и преподаватель народного училища стал фактическим диктатором уезда.

В 1919 году он с ополченцами успешно сдерживал на подступах к Осорьину деникинцев до подхода частей Красной армии, а в 1920-м руководил подавлением крестьянского восстания, которое возглавлял его родной брат Тимофей.

В детстве братья Черепнины, Трифон и Тимофей, были алтарниками в церкви Бориса и Глеба, и прадед до самой глубокой старости мог по памяти прочесть любой акафист, тропарь или, скажем, седален по третьей песни канона апостолу Андрею, который он особенно любил: «Радуйся, престолу огнезачный Божий: радуйся, Отроковице, седалище царское, одре упещреннопостланый, златопорфирный чертоже, хламидо червленошарная, украшенный храм, молниеносная колеснице, светильниче многосветлый: радуйся, Богородице, двенадцатостенный граде, и дверь златокованная, и чертоже светообразный, светлопозлащенная трапезо, богоукрашенная скиние: радуйся, славная невесто солнцеклоущая: радуйся, едина души моя благолепие...»

В нашем городе проживало тогда немало участников Октябрьской революции и очень много ветеранов Великой войны. Их портреты висели в школах, клубах, домах культуры, в городском парке, а в историко-художественном музее им были посвящены два зала. Их приглашали на встречи с пионерами и комсомольцами, на мемориальные вечера и торжественные собрания. Приглашали всех, кроме Трофима Никитича и его сына Андрея Трофимовича, моего деда.

Ну, что деда не звали – понятно: он был директором секретного военного завода, не имевшего названия, а только номер, и прозванного в народе Ящиком. Но прадед не был засекреченным человеком, и о его вкладе в революцию и в послевоенное восстановление города в Осорьине знали все. Однако в музейном зале, посвященном революции, он был представлен скупой – увеличенной фотографией из личного дела с подписью «Черепнин Т. Н.», а в экспозиции, посвященной послевоенной истории города, он фигурировал лишь однажды – на групповом фото делегатов районной партийной конференции. Его не приглашали ни в школы, ни на встречи с комсомольцами. Когда я спросил – почему, прадед ответил со смешком: «Я известен в устных кругах, не в письменных».

Трофим Никитич публично обзывал секретарей райкома буржуями, ревизионистами и пораженцами, а главного осорьинского героя – легендарного революционного комиссара Ласкирева-Беспощадного – пьяницей, который погиб вовсе не в бою с деникинцами, как утверждалось в книгах, а на сеновале, где его зарезал крестьянин, застукавший комиссара со своей женой.

В школе нас заставляли записывать воспоминания родных и близких – участников Великой войны, и я, конечно, не раз подступал к прадеду с этой просьбой. Но Трофим Никитич отмахивался:

– Когда-то я воевал за идею, а тут пришлось – за родину. А какая у большевика родина? Весь мир у него родина. – И добавлял с усмешечкой: – Сталину повезло – Гитлер сделал за него всю работу, когда уничтожил тех, кто еще был способен к сопротивлению. Одних уничтожил, других – дискредитировал...

Даже мне, подростку, было ясно, что с такими воспоминаниями к учителю лучше не соваться.

Впрочем, все эти его выходки тогда воспринимались уже не как преступное покушение на святыни, а как чудачества выживающего из ума старика, помешавшегося на бабах. Неприятие же Трофима Никитича, отторжение его бюрократией и обывателями были вызваны причинами более глубокими, которые можно свести к главной: он был реликтом.

Рядом с прадедом я – и не только я – видел, слышал, чувствовал тот грандиозный мир, ту аморальную, но громадную силу, ту великую жизнь, которую он прожил и которая продолжала жить в нем. Он был незаконным чудовищем из страшной бездны, облепленным ракушками, покрытым водорослями, существом полуокаменевшим, покрытым рубцами и шрамами, принадлежащим к вымершей породе людей, которые питались огнем и кровью, низвергали богов и правили историей, пуская ее бешеных коней вскачь. Он был чужаком в жизни, где превыше всего ценились стабильная зарплата, теплый туалет и широкий выбор обезболивающих средств.

Трофим Никитич не мог забыть, что революция начиналась под черными знаменами – знаменами отчаяния, боли и гнева, и в мире красных знамен он был чужим. Одиноким чужаком, который так и не освоил языка новых людей.

Каждый день он что-то писал в толстых тетрадях большого формата, черкал, рычал, сопел – сейчас я понимаю, что ему хотелось выговориться, поговорить с кем-нибудь, но собеседников поблизости не было...

Несколько раз в году он и уезжал в деревню Сторожево, раскиданную среди болот и озер в лесу, километрах в пятнадцати-двадцати от Осорьина. Там жил старик Столетов, его собутыльник и собеседник. Меня Трофим Никитич стал брать с собой, как только я научился плавать и отличать съедобные ягоды от ядовитых.

Хорошо помню нашу поездку в Сторожево за год до смерти прадеда.

Пока я предавался малохольным радостям и горестям полового созревания, старики, позавтракав, уходили в лес или уезжали на мотоцикле в какую-нибудь дальнюю деревню – Ахматово, Юрасово, Нехватаевку, Рубежную. Иногда в походах по окрестностям их сопровождала Слава Воронова. Когда-то она была комсомольской активисткой, участвовала в разрушении церквей, прошла всю войну, стирая и штопая солдатское белье, трижды побывала замужем, вырастила восьмерых детей, а теперь с трудом передвигалась, опираясь на костыль, и пугала детей наперстком, который навсегда прирос к среднему пальцу ее правой руки. Но ум у нее оставался ясным – она помнила все события Тимофеевского восстания, а именно оно, как я вскоре понял, и интересовало стариков.

В городском историко-художественном музее было очень мало материалов, посвященных этому восстанию, – три-четыре фотографии, на которых были запечатлены бойцы частей особого назначения и добровольцы из коммунистической роты, да схемы боев и походов –

синие и красные стрелки, кружки и звездочки. Экспозиция находилась в темном углу, и экскурсоводы обычно там не задерживались.

Когда-то, на исходе Гражданской войны, Тимофеевщина полыхала почти во всех уездах нашей губернии. Крестьяне, возмущенные продотрядами, которые отнимали у них почти весь хлеб, взялись за оружие, сформировали несколько полков, возглавляемых бывшими офицерами, разгромили красноармейские гарнизоны и образовали Осорьинскую лесную республику.

На подавление восстания были брошены регулярные войска, бронемашины, авиация, артиллерия и добровольцы из партийного и советского актива. Повстанцев, прятавшихся в лесах, обстреливали снарядами с горчичным газом и бомбили с воздуха, их семьи брали в заложники, расстреливали без суда. К весне 1920 года восстание было подавлено.

В Осорьине не вспоминали о восстании. Ни слова, ни одного слова о жертвах или победителях я никогда не слышал.

Только тем летом я узнал, что Тимофеевским восстание называлось по имени командующего повстанческими силами – Тимофея Черепнина, родного брата Трофима Никитича. Его еще называли Железной Шапкой или Железной Головой: на первой германской у него осколком срезало верхушку черепа, и он прикрывал темя стальным колпаком. Тимофей был захвачен неподалеку от Сторожева, расстрелян и тайно похоронен где-то поблизости. Его могилу и искали Столетов и Трофим Никитич, опрашивая стариков из окрестных деревень и гоняя по лесам Славу Воронову.

Старуха сердилась, напоминала Трофиму Никитичу о том, что он и сам был тут, когда расстреливали Тимофея Черепнина, но прадед махал рукой: «Когда это было!»

Когда-то Трофим Никитич был одним из тех, кто приказывал расстреливать повстанцев, травить газом, никого не жалеть, а теперь хотел извлечь из могилы останки брата-контрреволюционера и захоронить их на Красной Горе, на фамильном участке.

В середине августа было наконец установлено место захоронения Тимофея Черепнина – осталось выкопать кости.

Уложив в корзину еду, брезентовые рукавицы и бутылку с квасом и утром прихватив косу и лопаты, мы отправились в лес, к Домику.

Часа через полтора добрались до места – это была поляна, окруженная старыми огромными дубами, ее огibal довольно глубокий овраг, тянувшийся до озера, которое блестело вдали за деревьями.

В давние времена тут стоял охотничий домик, низ которого был сложен из кирпича, а верх из бревен. Здесь и был расстрелян Тимофей Черепнин. Тело его сбросили в подвал, после чего домик взорвали. В траве кое-где валялись обломки кирпича, огрызки деревянных балок, высохших до твердости камня, но определить границы здания было невозможно.

Столетов взял косу и в несколько взмахов очистил центр поляны от травы.

– Неужели не помнишь? – спросил он у Трофима Никитича.

– Тут все изменилось, – сказал прадед. – Да и было это когда? Больше шестидесяти лет назад... деревьев тут этих не было... все другое...

Он воткнул лопату в землю.

– Значит, тут. – Посмотрел на меня: – Чего ждешь?

Столетов заставил меня надеть рукавицы, и я взялся за лопату.

Минут через пятнадцать я взмок, через полчаса снял рубашку, а через час понял, что копать мне тут предстоит долго, очень долго, может быть, до тех пор, пока я не наткнулся на собственный скелет.

Обломки кирпичей и деревянных конструкций, полусгнившие ветки, камни, корни толстые, тонкие и вовсе нитяные, пронизывавшие почву во всех направлениях, – все это мешало копать, превращая работу в адское испытание. Иногда приходилось выбирать камни руками, а

корни – рубить с остервенением, до изнеможения. К полудню мне удалось выкопать яму примерно два на два метра, местами едва достигавшую полуметра глубины.

Старики не обращали на меня никакого внимания. Они лежали на плащ-палатке, расстеленной в тени, болтали и покуривали, пока я вгрызался в землю.

– Для начала сойдет, – сказал наконец Трофим Никитич. – А теперь давай-ка перекусим.

После обеда мне было позволено искупаться, а потом я вернулся к яме.

Копать пришлось два дня. На третий я перерубил лопатой серую кость. Случилось это на полутораметровой глубине. Столетов определил, что кость принадлежала собаке.

Старики пытались вспомнить, была ли у Тимофея собака, а я тем временем, отбросив лопату, руками разгребал мягкую землю, пока не наткнулся на человеческий череп без верхушки. Меня выгнали из ямы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.